

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. Н. Суворкина
г. Рязань, Россия

НОЧНОЕ И ДНЕВНОЕ СОЛНЦЕ КАК АТРИБУТЫ ХРОНОТОПА НОЧЬ В ДЕКОРАТИВНОЙ РЕЗЬБЕ ДЕРЕВЯННЫХ ЛЮЛЕК

Аннотация: В статье на материале анализа славянской архаики, сохранившейся в деревянной резьбе колыбелей, рассматриваются солярные знаки, которые являются не только атрибутами хронотопа *день*, но и *ночь*. Ночь в отличие от дня — это период доминирования зла, темных духов, способных причинить вред новорожденному, ввиду чего требовалась система охранительных мер, одной из важнейших единиц которой служила высечка декоративных элементов с особым, сакральным, значением. Люлька могла быть украшена как знаками дневного солнца, так и ночного. В некоторых случаях (северный образец) мастером изображался подземный ход Солнца (ночное солнце) в соответствии с восточнославянской картиной мира, которая продолжала сосуществовать с христианской, хотя и в значительно видоизмененном образе. В кодировании пути ночного солнца по Миру мертвых на колыбели, как локусе первого внеутробного пребывания младенца, нельзя выявить деструктивное начало, поскольку резчик не желал смерти, но призывал сон, который является необходимым условием благоприятного развития ребенка. Такой синтез (южный образец) обнаруживается в знаке дневного солнца (крест в круге), который также может интерпретироваться и как христианский крест. Подобная вариативность и множественность метафизических форм репрезентации хронотопа *ночь* имеет место и в колыбельных песнях, как элементе материнского фольклора, исполняемых ребенку, лежащему в люльке.

Ключевые слова: колыбель, люлька, ребенок, детство, ночь, солярный знак, декоративная резьба, колыбельная песня, славянская мифология, хронотоп.

Информация об авторе: Елена Николаевна Суворкина — кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации Научной библиотеки, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, ул. Свободы, д. 46, 390000 г. Рязань, Россия. E-mail: suvorkina@list.ru

Дата поступления статьи: 19.09.2017

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Суворкина Е. Н. Ночное и дневное солнце как атрибуты хронотопа *ночь* в декоративной резьбе деревянных люлек // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 87–93.

Картина мира ребенка представляет собой синтез двух морфологических уровней субкультуры детства — обыденного и специализированного. Одним из инструментов ее выстраивания и наполнения служит материнский фольклор, к которому относятся колыбельные песни, потешки, пестушки и пр. Посредством этих единиц ребенку

сообщаются первые метадаанные об устройстве мира, в частности, его дуалистичности. Так, свету противопоставлена тьма, дню — ночь.

Колыбельная исполняется в то время, когда ребенок находится в люльке, служащей при определенном наложении метаусловий резонатором, усилителем сообщаемой информации. Здесь уместно провести параллель с музыкальным инструментом: зыбка выступает в качестве корпуса для новой струны — ребенка, на которую ложится первая композиция — колыбельная песня.

К таким метаусловиям можно отнести: центральное положение колыбели в домовом пространстве, характер ее конструкции, материал изготовления, система сакральных действий, осуществляемых при ее использовании и пр. В данной статье внимание будет уделено отдельным элементам декоративной резьбы люльки, являющимися атрибутами хронотопа *ночь*.

Хронотоп заключает в себе единство пространственно-временного начала, что служит одним из средств репрезентации идеи в общей системе миропонимания.

Для настоящей статьи представляет значительный интерес концепция хронотопа, разработанная с позиции литературоведения М. М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе», поскольку, исследуя фольклорные основы хронотопа в произведении Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», русский философ и культуролог определил специфику восприятия времени в доклассовом периоде, когда формировалась мифология, система обрядов и культов, фольклор, закладывались базовые культурные архетипы. М. М. Бахтин пишет, что для этого «фольклорного времени» присущ ряд характеристик: оно коллективное, трудовое, цикличное, время продуктивного роста с общей устремленностью вперед и неотделимостью от земли, природы. То есть время измеряется в соответствии с действиями коллективной (главным образом, трудовой, земледельческой) жизни, в которой приумножению благ (а соответственно, направленностью в будущее) содействует не только рождение, но и смерть (см.: [1, с. 455–458]).

Ночь, по представлениям многих народов мира, в том числе восточных славян, это период активности зла как со стороны бестелесных духов, так и человека (время татей). Магической защитой служила система охранительных действий, элементами которой являлись заговоры, обереги, а с принятием христианства — молитвы, крестики, ладан и пр. В ряде случаев в условиях двоеверия вторые средства не заменили, а дополнили первые, что, как считалось, усиливало степень защиты.

В колыбель, как свидетельствует С. М. Толстая, могли класть гребень, нитки, зерно, веретено и т. п. [7, с. 560]. Сама конструкция в зависимости от социально-экономического положения владельца, специфики его религиозного сознания могла быть украшена орнаментом. Особую значимость имела солярная символика, как свидетельство того, что на смену ночи обязательно придет день; свет, как выражение добра, снова победит мрак, т. е. зло. В этой связи интересен образец колыбели, фотографию которой приводит на страницах своего знаменитого труда «Язычество Древней Руси» Б. А. Рыбаков [5, с. 516]. На ней изображена люлька, резьба одной из сторон которой инсценирует движение солнца ночью подземным путем. По сути, представлена часть (ровно половина) суточного цикла хода солнца, согласно восточнославянскому миропониманию. Но отсутствие полной картины, завершенного цикла, в котором отражен восход светила, его выход из царства мертвых, отнюдь не служит неким доказательством победы мрака. Сокрытое солнце, изображенное на колыбели, обеспечивало здоровый, глубокий ночной сон, приносящий человеку отдых, а ребенку — еще рост и развитие.

То есть знак ночного солнца не имеет негативной окраски, отрицательной семантической нагрузки. Более того, следует отметить, по глубокому убеждению наших предков, Солнце поможет зывающему о помощи всегда, независимо от своей сакральной точки.

Считалось, что Дажьбог, Бог Солнца в славянской религиозной языческой практике, совершает свой путь по небу на колеснице, в которую запряжены крылатые кони. Он светит двум мирам — Верхнему и Нижнему в соответствии со своим циклическим ходом. Верхний мир — это Мир живых людей, тогда как Нижний — Мир мертвых. Следовательно, Дажьбог равно дарит свет как живым, так и мертвым. Движение по Нижнему миру осуществляется от западной точки к восточной, по Верхнему — от восточной к западной; разделяет миры Океан-море (море-Океан), который Дажьбог переплывает дважды в сутки на ладье.

Столь подробное изложение известной древнеславянской концепции понимания места солнца в общем мироустройстве необходимо для того, чтобы обратить внимание на, казалось бы, парадоксальную сентенцию: на колыбели, месте пребывания новорожденного, изображен путь ночного солнца по Миру мертвых.

Но в данном случае русский человек не обнаруживал противоречия или тем более сознательного желания гибели ребенку. Наоборот, все подчинено строгой логике. О конструктивной природе естественного разрушения упоминалось ранее в рамках концепции хронотопа М. М. Бахтина, где было отмечено, что движение времени не уничтожает, а созидает: «Гибель, смерть воспринимается как посев, за которым следуют умножающие посеянное всходы и жатва» [1, с. 456].

Кроме того, смерть тесно связана со сном, что прослеживается во многих культурах, в том числе христианстве. Е. Н. Трубецкой в работе «Смысл жизни» в главе «Откровение Божьего дня» писал: «Крайнее, предельное выражение ночи есть всяческая смерть — духовная и телесная, а последнее выражение дня — полнота жизни вечной, утвердившейся в субботнем покое» [8, с. 185]. Данная концепция по своей сути не вступала в противоречие с языческой. Таким образом, к новорожденному призывался Сон, а не Смерть.

В ряде примеров колыбельных песен это обращение неоднократно повторяется. Известны образцы, в которых ведущими образами являются, например, Дрема, Угомон. В фольклоре Русского Севера выявлен, в частности, сюжет спора Сна и Дремы, каждый из которых считал, что при его помощи ребенок быстрее заснет (№ 9) (см.: [3, с. 420]). Этот мотив встречается неоднократно (№ 23, 35, 54, 81) (см.: [3, с. 424, 428, 438, 447]).

Верное толкование призыва Смерти важно и в понимании отдельной группы колыбельных песен, в которых имеется данное обращение. Б. Н. Миронов подчеркивает ошибочность прямого значения интерпретации [2, с. 205]. Считалось, что сон семантически близок к смерти, а значит, имеет определенную магическую силу. В частности, он выполняет охранную функцию, в том числе по отношению к смерти. Соответственно, накликание последней есть защита от нее. Но вместе с тем нельзя не признать, что в обыденном сознании русского человека до начала XX в. (особенно в крестьянской среде) в целом смерть ребенка не расценивалась как трагедия. Более того, было прочным убеждение, что, во-первых, своим уходом дитя облегчает жизнь семье, а во-вторых, себе, поскольку, по религиозным верованиям, он избавляется от страданий на земле и попадает в рай.

В севернорусской фольклорной практике выявлен следующий образец (№ 21): «Бай, бай, бай, // Хошь сегодня помирай, // Завтра похороны, // Да и, бат, татка с работы // Гробок принесет, // Да и бабка у пецки // Колобков напекет, // Да и кресна-то

матушка // На погосте голоском поревет» [3, с. 424]. То есть в дословном толковании ребенку предлагается умереть, описываются его похороны. Зафиксирован и другой вариант этой байки (№ 37), который отличается большей суровостью: «Бай, бай, бай, // Да беспропадно засыпай, // Да безизводно помирай, // Татка с работки гробок принесе, // Да мамка у печи блинов напеке, // Да бабка у зыбки савонок сошье» [3, с. 429]. Интересно отметить, что в конце приведена строчка — «Хоть слепа, а сошье». Она не включена в основной текст, но несет дополнительную информацию: слепота (как постоянная, так и временная) может быть также символическим выражением смерти [4, с. 74]. Второй вариант более распространен (№ 60) (см.: [3, с. 440]).

Следует привести и еще один образец колыбельной с темой Смерти (№ 69): «Бай, бай, бай, // Да, ребенок, засыпай, // Засыпай да усыпай, // Спи-усыпай, // Да на погост поспевай, // Тебе завтра — похороны» [3, с. 443]. В данном случае дитя торопят умереть, назначен день похорон; в отличие от первого образца право выбора отсутствует. Вариации приведенного примера также имеют место быть (№ 71) (см.: [3, с. 443]). В изначальной семантической трактовке это является пожеланием поскорее заснуть.

Но возвратимся непосредственно к декоративной резьбе.

На колыбелях можно увидеть вместе с тем преимущественно не ночное солнце, а дневное. В Краснодарском крае нами обнаружен образец, относящийся к XIX в., на стороне которого изображен крест (две перекрещенные перпендикулярно линии без дополнительных украшений) в круге. С одной стороны, его можно трактовать как христианский символ, но круговое обрамление дает основание говорить о языческой первооснове, а именно о знаке Солнца. Не исключено, что первоначальная семантика наносимого оберега посредством примитивной резьбы была забыта владельцами колыбели, но выполнена как следование традиции.

Еще одним значительным отличием южного образца от примера Б. А. Рыбакова является то, что во втором случае движение ночного солнца детально проработано и выполнено по длине колыбели, тогда как в первом — знак дневного солнца вырезан небрежно и неаккуратно по ее ширине. Причина данной вариации может заключаться в территориальной принадлежности рассматриваемых колыбелей: люлька Б. А. Рыбакова была обнаружена на севернорусской территории, тогда как наша — на южной. Доля солнечного света и тепла в данных регионах различна. На севере — значительно продолжительна холодная зима с сопутствующей концепцией смерти, сна природы, короче световой период дня. Это в большей степени влияет на формирование представления именно о ночном солнце. Даже в колыбельных и байках фиксируется эта информация. Так, в образцах детского фольклора, собранного в 1928 г. в ходе фольклорной экспедиции на Русский Север (Мезень), обнаруживается следующий фрагмент (№ 45): «Да сам на солнышко гледи. // Стало солнышко не рано, // С обеда своротило...» (*орфография источника сохранена*) [3, с. 433]. Можно предположить, что констатируется поздний восход и ранний заход солнца, что характерно для зимнего периода.

На юге ситуация противоположна: короткие и теплые зимы, длинный световой период суток, что определяло доминанту, если не единственность, дневного солнца.

Вместе с тем вывод о распространенности ночного солнца в севернорусских землях неправилен. Анализ схем вышивок позволяет заключить, что даже подземный ход светила мог быть обозначен знаком дневного солнца на этой территории.

Б. А. Рыбаков, изучая предположительно изображение Дажьбога (Дажьбога) на полотенце из Олонецкой губернии, отмечает, что божественный всадник окружен женщинами с солнечными дисками (крест в круге — дневное солнце). При этом две

(возможно Утренняя Заря и Вечерняя Заря), как и центральная фигура, имеют над головой косой квадрат, что отсутствует у третьей женщины, расположенной композиционно в самом низу, которая определяет нижнее положение светила (см.: [6, с. 524–526]).

Особое отношение к солнцу на северных территориях может быть обусловлено не столько его редкостью, сколько существовавшим представлением у славян, согласно которому светило свое подземное движение осуществляло в «полуночных странах» — северных полуночных пространствах. В определенной степени «северность» выступала неким общим вектором, присущим как Миру живых, так и Миру мертвых.

С целью обеспечения выстраивания более полной картины существования возможных вариаций материальных артефактов как атрибутов хронотопа ночь следует заметить, что многие образцы сохранившихся колыбелей совсем их не имели. Б. А. Рыбаков пишет, что культ Солнца, Дажьбога, совсем не прослеживается в фольклоре XIX в., а в исторических источниках он не упоминается уже в средние века [6, с. 524].

В XX в. (послереволюционный период) декоративная резьба практически перестает присутствовать на люльках, что во многом было определено сложностью социально-экономического положения русского человека ввиду трансформации внутреннего устройства общества, а также масштабных военных действий. Кроме того, люлька переходит в предмет массового производства со штампованным украшением. Разрыв с традиционной культурой усиливается также из-за активно проводимой политики государства, направленной на борьбу с религиозными предрассудками.

Таким образом, в декоративной резьбе деревянных колыбелек обнаруживаются солярные знаки, выступающие атрибутами не только хронотопа день, но и ночь. При этом движение светила по Нижнему миру могло быть обозначено не только через знак ночного солнца, но и дневного с соответствующей семантической нагрузкой. Изображение данной части цикла на люльке, концептуально связанной с темой смерти, не имеет прямого значения в интерпретации, также как и пожелание смерти ребенку в колыбельных песнях и байках, — это важные элементы системы магических действий, направленных на охрану жизни дитя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). С. 340–512.
- 2 *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
- 3 Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг. Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 680 с.
- 4 *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.
- 5 *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.: Академический Проект, 2013. 805 с.
- 6 *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013. 627 с.
- 7 *Толстая С. М.* Колыбель // *Славянские древности / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН.* М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д-К (Крошки). С. 559–562.
- 8 *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни // *Трубецкой Е. Н.* Избранное. М.: Канон, 1995. С. 7–296.

© 2018. Elena N. Suvorkina
Ryazan, Russia

**NIGHT AND DAY SUN AS ATTRIBUTES OF CHRONOTOPE
NIGHT IN THE DECORATIVE CARVING OF WOODEN CRADLES**

Abstract: The author, drawing on the material of analysis of the Slavic archaic preserved in the wood carving of cradles, explores solar signs, which are not only attributes of the chronotope day, but also night. Night, in contrast to the day — was considered a period of domination of evil, dark spirits that can harm a newborn, which is why it required a system of protective measures. Carving of decorative elements with a special, sacred, meaning acted as one of the most important units of them. The cradle could be decorated with the signs of day's or night's sun. In some cases (the Northern sample) master depicted underground passage of the Sun (the night sun) in accordance with the East Slavic worldview, which continued to coexist with the Christian one, although in a significantly modified image. One must not identify the path of the night sun through the world of the dead portrayed on the cradle — as the locus of the first postnatal stay of the baby — with a destructive principle. For the carver did not address death, but called for sleep, a necessary condition for the favorable development of the child. We find such a synthesis (Southern pattern) in the sign of the day sun (cross in a circle), which can also be interpreted as a Christian cross. Such variability and multiplicity of metaphysical forms of chronotope representation of the night also takes place in lullabies as an element of mother's folklore performed to a child lying in the cradle.

Keywords: cradle, child, childhood, night, solar sign, decorative carving, lullaby, Slavic mythology, chronotope.

Information about author: Elena N. Suvorkina — PhD in Culturology, Head of the systematization sector of the Scientific Library, Ryazan State University named after S. A. Esenin, Svobody St., 46, 390000 Ryazan, Russia. E-mail: suvorkina@list.ru

Received: September 19, 2017

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Suvorkina E. N. Night and day sun as attributes of chronotope *night* in decorative carving of wooden cradles. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 87–93. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in novel]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3: *Teoriia romana (1930–1961 gg.)* [The Theory of the Novel (1930–1961)], pp. 340–512. (In Russian)
- 2 Mironov B. N. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during Empire (XVIII – early XX century): genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. Vol. 1. 548 p. (In Russian)

- 3 *Neizdannye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 gg. Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor* [Unpublished materials of expeditions to the Russian North 1926–1928. Fairy tales. Legends. True stories. Children's folklore], introductory article, drafting, preparation of texts and comments by M. N. Vlasova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011. 680 p. (In Russian)
- 4 Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of the fairy tale]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1986. 365 p. (In Russian)
- 5 Rybakov B. A. *Iazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of the Ancient Russia]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 805 p. (In Russian)
- 6 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 627 p. (In Russian)
- 7 Tolstaia S. M. Kolybel' [Cradle]. *Slavianskie drevnosti* [Slavic antiquities], executive ed. by N. I. Tolstoy; In-t slavianovedeniia RAN. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, vol. 2: D — K (Kroshki), pp. 559–562. (In Russian)
- 8 Trubetskoi E. N. Smysl zhizni [The Meaning of Life]. *Izbrannoe* [Selection of works]. Moscow, Kanon Publ., 1995, pp. 7–296. (In Russian)